

Весенняя прогулка / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Весенняя прогулка / рассказ ВЕСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Мягкие полевые дороги выносили их на макушки холмов и опускали в сырые низины, и небо то приближалось, то стремительно уплывало вверх, небо с редкими облаками и жаворонками, плещущими крыльями.

Парень в потертой и замасленной замшевой кепке ехал чуть впереди, он был проводником, он несколько лет ездил и ходил по этим дорогам, он знал на этом пути все повороты, все придорожные деревья и холмы. Он крутил педали и посматривал через плечо на спутницу.

Мягкие дороги несли их по зеленым холмам и зеленым полям, в небе стояли облака, желтело солнце и плясали жаворонки. Он глядел через плечо на нее и растягивал толстые губы, и она улыбалась в ответ. Он думал: это, конечно, здорово, что она с ним, что она увидит наконец-то эти места, здорово, но лучше бы одному ехать. Он привык один. Сперва не по себе было, особенно ночью: птица какая-нибудь крикнет, ветка упадет, или прошуршат чьи-то шаги, но потом страх прошел. И однажды он убедился, что лучше одному: проболтался однокласснику про Кофейные пруды, и тот напросился в спутники, и все было скверно – одноклассник говорил, говорил и смеялся громко, жадно удил карасей, пытался подбить камнем утку, запросто срубал живые осины и твердил, что в лесу нечего бояться, лес – это группа деревьев, и все было скверно, и все было не так. Конечно, она не одноклассник. И все-таки.

Они переехали железную дорогу – облитые мазутом шпалы, хрусткая насыпь, черные шляпки костылей и узкие, зеркальные полосы, уходящие вдаль, – и он подумал: да, скоро. Их опять подхватил мягкий проселок, и опять они выплывали на лбы холмов и съезжали в пахучие сырые ложбины.

Да, скоро, думал он. Через три дня. Всего-то. И – на два года. Сапоги, казармы. Ну, это ерунда – два года, это не двадцать

пять лет, как при Царе-Горохе.

Он опять засомневался, правильно ли сделал, что взял ее с собою. Что они увидят за один день? Чтобы везде побывать: на Рыжей, на Лисьем холме, на прудах, в Деревне, – для этого дня мало. Один он мог бы ночевать и увидеть все. А с нею придется вернуться в город сегодня. Ее родители ничего не знают, уверены, что дочь утром ушла в институт и что после обеда до вечера будет конспектировать какие-то труды в читальном зале институтской библиотеки. А она положила в портфель вместо учебников и тетрадей кроссовки, трико, футболку, хлеб и колбасу, пришла к нему, переоделась и вот едет рядом по мягкой дороге на велосипеде, который он одолжил у приятеля, старательно крутит педали, не просит остановиться, хоть с непривычки уже устала, и улыбается, когда он оглядывается. И футболка на ней уже сырая. Утро, но солнце горячее. Май.

Наезженная дорога свернула, а они покатали прямо. Они поехали по заросшей и зыбкой дороге, которая скоро ушла в болото.

Она послушно сняла вслед за ним кроссовки, закатала до колен трико и осторожно погрузила белые ноги в жирную и холодную трясины.

– А змеи здесь есть? – тяжело дыша, спросила она.

Он шел впереди. Он оглянулся и сказал:

– Змеи? Я три года здесь... я за три года – ни разу... – И замолчал, увидев слева на кочке коричневато-зеленый резиновый крендель. Молодая змейка бездвигно лежала на солнечной сухой кочке, можно было подумать, что она мертва, но ее глаза были влажны, и две солнечные точки горели в них.

Он отвел глаза от кочки и спокойно сказал:

– Нет. Это благословенные места, я же говорил.

На них, распаренных, обливающихся потом, напали комары, и они шлепали себя по лицам, передергивали плечами и спешили пройти болото. Трясина пузырилась, шипела и жвакала под ногами. Грязь была холодная, а воздух тепел, и солнце раскаливало одежду на спине и плечах.

Вот же, думал он, за три года ни одной змеи, а сегодня, в этот последний день... Он обернулся, скользнул взглядом по ногам спутницы... Она вопросительно посмотрела на него и состроила

бодрую мину. Лицо ее было мокрое, красное, заляпанное кровавыми кляксами, на щеке темнел раздавленный комар. – Сейчас выйдем, – сказал он.

Надо было одному. А теперь бойся, как бы ее не укусила змея. Они перебрали болото, прошли немного по твердой земле сквозь ивовые заросли и оказались на поляне под косогором. Поляна была желта от цветущих одуванов. Здесь трудились пчелы и шмели, всюду над цветами вспыхивали стеклянные крылья, и слышен был тихий бархатный гудеж. Там, где поляна переходила в косогор и начинала плавно вздыматься, белело глинистое око. Родник пульсировал, и по его прозрачной поверхности расходились круги.

– Это он? Да? Бог Бедуинов? – Девушка бросила велосипед и пошла к роднику. Она склонилась над шевелящейся водой, замерла и беспомощно оглянулась. Он приблизился и посмотрел в родник. На белом осклизлом дне медленно ворочалась, как бы исполняя ленивый танец, дохлая лягушка. Он засучил рукав, погрузил руку по локоть в воду, вытащил лягушку и бросил ее в цветы.

– Однажды, – сказал он, вытирая руку о штаны, – я нашел в роднике серую птицу с выбитым глазом, видно, лунь или ястреб неудачно поохотился.

– Кровожадный Бог, – ответила она, брезгливо глядя в родник. Он пожал плечами и склонился над водой. Напившись, он насмешливо посмотрел на спутницу. Она поджала губы и отвернулась.

– Пей, чего ты?

– Ничего. Мог бы не говорить про птицу.

– Но это было давно. Пей.

Во рту было горячо и сухо, как на родине этих бедуинов с верблюдами. Придумал же – Бог Бедуинов. Она улыбнулась.

– Пей, – повторил он.

– Пей, пей, – передразнила она, нахмурилась, пригнула голову, вытянула губы к вздыхающей воде. Потом, глядя на ноги и шевеля перепачканными пальцами, она сказала:

– Отмыть бы.

Он вынул из рюкзака кружку и принялся черпать воду из родника и лить ей на ноги. Она терла ноги и задыхалась от холода.

Потом поспешно надела носки, обулась и попрыгала на месте, чтобы согреться. На ее лбу билась челка, и под футболкой вздрагивали груди.

Он отвел глаза, лег в траву и сказал:

– Отдохнем.

Она села поодаль. Гудели шмели...

– А она как-нибудь называется? Ну, родник – Бог Бедуинов, а поляна?

Он ответил, что никак.

– А я бы эту поляну обязательно окрестила. Такая поляна.

– Как бы ты ее окрестила? – нехотя спросил он.

– Как-нибудь... что-либо в твоём духе. – Она наморщила лоб. – Шмелиная нива. А?

Он глядел сквозь ресницы в небо и молчал.

– Хорошо? – спросила она.

– Тут всюду.

– Что? – не поняла она.

– Нива. Тут много всяких полей с цветами.

– Ну, не хочешь, как хочешь, – откликнулась она и отвернулась.

Обиделась. Надо было что-нибудь сказать, но солнце жгло кожу сквозь рубашку, и язык был тяжел, и веки были тяжелы, и ни о чем не хотелось думать, и ничего не хотелось. Он лежал и ничего не говорил. Она сидела и следила за полосатыми толстыми шмелями. Шмели садились в одуваны и бродили в тычинках, как в желтом мягком лесу, шмели нектар сосали.

Две светящиеся точки, коричневатозеленый резиновый крендель, ты могла бы не попадаться сегодня, в этот последний день, теперь ведь мне нужно бояться, как бы ты не укусила девушку; змея приподняла голову и тонко улыбнулась, он вздрогнул и открыл глаза, и вспомнил, что, кажется, девушка обиделась. Он сел и сказал:

– Да, пускай, это хорошо, пускай так.

– Ты о чем? – равнодушно спросила она и сощурилась. Она не глядела на него и отчужденно, презрительно щурилась.

– Ну, Нива Шмелей.

– А, – откликнулась она. – Спасибо за одолжение.

Он засмеялся. Девушка сердито взглянула на него. Он оборвал

смех.

– Извини, но смешно, – пробормотал он. – Чего мы делим-то?

– Я ничего не собираюсь делить. Не надо ничем делиться со мною. И вообще я могу... дорогу теперь знаю.

Она почувствовала, что я сомневаюсь, правильно ли сделал, взяв в это, последнее путешествие ее. Мог бы и отказать, а не отказал, мне хотелось с ней ехать, ведь так же? – так какого черта я дурака ломаю!..

– Ну, давай не ссориться, чего мы, ей-богу, будем... из-за чего мы? Я просто не выпался, что ли. Какой-то заторможенный...

– Спи! Мешать не буду.

– Ну, давай не ссориться, чего мы, ей-богу, будем... из-за чего мы? Я просто не выпался, что ли. Какой-то заторможенный...

– Спи! Мешать не буду.

– Я уже не хочу. Я готов к труду и обороне. Поехали? Ты отдохнула? Ты очень устала? – суетливо спрашивал он и заглядывал ей в глаза. – Хочешь еще воды? Принести? Давай принесу. – Он встал и сходил к роднику, и принес кружку воды. – Пей. Это вкусная вода. Я вкуснее не пил. А ты пила вкуснее?

Девушка не выдержала и, фыркнув в кружку, обрызгав его лицо, рассмеялась.

Они вышли из лощины на пригорок, поросший золотистыми долгоногими цветами. Она спросила, что это за цветы, какие-то очень знакомые цветы, а никак не вспомню... Он не успел ответить, девушка что-то увидела на лугу и охнула.

Из перелеска на луг – люди давно бросили здесь косить, и дуг огрубел, зарос толстыми, раскидистыми, как сосны, медвежьими дудами, полынью, кустами – на луг вышла лошадь. Она была приземистая, коричневая, с выпуклыми боками, спутанной гривой и толстыми ногами. Лошадь склоняла свою массивную голову, рвала траву и медленно жевала, озирая луг. Наконец она увидела людей. Лошадь перестала жевать и, наострив уши, раздувая ноздри, вглядывалась в две фигурки среди золотистых цветов. Она поняла, что это не лоси, а люди, оттопырила губы, оскалилась, злобно заржала, развернулась и быстро затрусилась в березы.

– Убежала. – Девушка говорила шепотом. – А откуда она тут?
– Ну, сбежала, может, – откликнулся он шепотом, кашлянул и добавил громко: – Из какой-нибудь деревни удрала. Что-то ей не понравилось, и она удрала. Может, надоело телеги таскать, и удрала.

– Ты говорил, здесь нет жилых деревень.

– Из какой-нибудь далекой деревни... Здорово?

– Да!

– А вообще здесь лосей тьма. И кабанов. Однажды за мной погнался.

– Кабан?

– Да. Он был с семейством, а я вылез прямо на них, и он бросился, а вокруг только кусты, ни одного дерева. Но, видно, он не очень был сердит – отогнал меня и вернулся к своим.

– Представляю, как ты бежал.

– Я очень бежал. Я увидел, что он не гонится уже, но все равно бежал. А потом купил ружье. У одного барыги...

– Где же оно?

– А! – Он махнул рукой и перекинул ногу через раму, сел на седло и нетерпеливо посмотрел вперед.

Девушка почувствовала, как было бы спокойно и хорошо с ружьем, и снова спросила: где же? Он ответил, что потерял, она спросила: где? Он кивнул в сторону: где-то, там где-то.

Они ехали по заросшей дороге. Высоко в небе летала птица. В болоте среди сплетения ивовых ветвей отстаивалась лошадь.

Высоко в небе парила птица. Это была старая, бурая, с пестринами на светлой груди хищная птица. Она описывала круги в синих толщах среди облаков. Далеко внизу серые, желтые и зеленые пятна кружились медленно; вспыхивали лужи. Воздушные потоки теребили перья и омывали серую голову с загнутым клювом. Внизу была переливчатая жидкая земля. Там шумели птицы и лягушки, звенели пчелы и комары, там было беспокойно и жарко. Старая птица плавала в синеве среди облаков, здесь было тихо и прохладно.

На краю болота в кустах таилась лошадь. Комары и слепни сновали по теплой горе, покрытой толстой потной кожей, и выскивали, дрожа крыльями, нежные места, и погружали в кожу

хоботы, и сосали кровь. Мухи копошились в гноящихся ранках на крупе, ранки были симметричны, круглы и глубоки. Лошадь стояла в кустах; косила свои крупные черные глаза в сторону, втягивала напряженными ушами звуки весеннего душного дня, пришибала хвостом нажавшихся крови сосунов и дрожала, вспоминая людей среди желтых цветов.

В глубине болотных зарослей, между кочками, в теплых коричневых рытвинах чутко спало кабанье стадо. В норах Лисьего холма дремали барсуки и лиса с лисятами.

Они ехали по одичавшему лугу и глядели на высокий Лисий холм, поросший кустами, – он торчал над перелесками, и на его боку белело огромное пятно.

Они миновали луг, прошли, катя велосипеды рядом, низиной к полю, снова сели на велосипеды и вскоре подъехали к холму. У подножия холма они спешили и побрели в траве и цветах вверх. Головки цветов колотили по щиколоткам. Вспугнутые пчелы и шмели, недовольно жужжа, срывались с цветов и, повисев перед лицами, отлетали нехотя в сторону.

Задул полуденный ветер.

Листва на кустах плескалась, и травы с цветами валились и вставали. Ветер сушил потные лица и охлаждал взмокшую одежду. Черные короткие волосы девушки металась и хлестали ее по лбу и щекам.

Они взошли на макушку холма. Девушка оглянулась.

Внизу бурлили зеленые лагуны, мигали бордовые, фиолетовые и лимонные точки и кляксы. В прозрачных толщах синего дергались жаворонки, и к горизонтам плыли осиновые и березовые острова, и вдалеке висели изумрудные холмы и еловые темные леса.

Черемуховый куст цвел на западном склоне, дул сильный ветер, и аромат черемухи был едва слышен на макушке Лисьего холма.

Он снял кепку, подставил ветру коротко остриженную бугристую голову и сказал, что иногда здесь ночует. Девушка промолчала. Он больше ничего не говорил, и они стояли, молчали и глядели вокруг с вершины легкого зеленого Лисьего холма.

Они спустились вниз, и он спросил, где она хочет побывать еще: на Рыжей речке, на Кофейных прудах или в Деревне? Она сказала: везде. Но нужно было выбирать что-то одно. Уже было три часа,

они и так вернутся поздно. На Рыжей можно покупаться и позагорать. На Кофейных прудах сейчас живут журавли, она никогда не видела живых журавлей. А в Деревне, а про Деревню он говорил: о, Деревня! о, в Деревне! это рай, и все такое. В Деревне, сказала она.

Возле старой березовой рощи стояла Деревня. Сначала они увидели эти длинные толстые березы, а когда въехали на пригорок, – Деревню.

Деревня цвела. Цвели корявые вишни, цвели яблони, кусты сирени. Вокруг изб и на огородах тускло желтели вонючие венчики черной белены, пушились яичные одуваны, розовел лабазник, золотилась пирамидальная льнянка. В крапиве висели пурпурные чашки окопника, и первоцветы вытягивали свои бледные губы. Возле замшелого трухлявого колодца цвел развесистый куст боярышника. Трещали скворцы и дрозды, шелкали, звякали, свистели, прыгая с ветки на ветку и соря белыми лепестками, серые лесные птицы. На бревнах изб с пустыми окнами зеленели мхи. На крышах, прогнувшись, сползших набекрень, росли тонкие осины, березы и ромашки. Пахло цветами, зеленью, гнилью и плесенью.

– А я обжил баню. Вон на отшибе. Это моя хижина. – Он пытливо посмотрел на нее. – Хорошо?

– Здесь? – растерянно спросила она и оглянулась. – Да. Только...

– Что?

– Только как-то... непривычно просто. Это из колодца так пахнет?

– Да. Я беру воду из ручья. В роще ручей.

Они прошли по короткой деревенской улице мимо серых истерзанных изб, мимо огородов и садов с торчащими кое-где из зеленых лохм ветхими плетнями.

Над дверью бани-хижины висела коряга.

– Это Охраняющий, – сказал он, и тогда девушка разглядела кривой рот, редкие толстые волосины и пустой глаз во лбу.

Скрипнула дверь, и они вошли в хижину. Привыкнув к сумраку, девушка увидела печь, железную кровать с рваным матрацем, набитым соломой, стол, застекленное оконце и полку под потолком, – там круглились свечи, лежали спички, пачка соли, стоял чайник, кружка с ложкой, котелок. Пахло плесенью и

давним дымом.

– Так странно, – пробормотала она.

– Обед будем готовить на улице, – сказал он, снимая с полки котелок и чайник.

Он отправился на ручей. Девушка села на лежак и сразу почувствовала себя разбитой и уставшей. Есть не хотелось, хотелось лечь и вытянуть отяжелевшие зудящие ноги... Она прилегла и задремала.

Когда она вышла на улицу, он уже разводил костер. Он чиркнул спичкой и зажег растопку, пламя всосалось в сухие дровины и вырвалось миг спустя вверх, и забило в дно чайника и котелка с водой.

– Ты и зимой здесь бываешь? – спросила она, опускаясь на корточки перед костром.

Он кивнул.

– Странно здесь, – сказала она. – Хорошо, но как-то странно. Как ты нашел все это?

– За грибами как-то поехал и набрел на пруды. Карасей, подумал, небось... Еще раз приехал со снастями. Действительно – карасей!.. И – вот.

– Но как же ты ружье посеял. Плохо без ружья. Волки всякие. И люди могут... Какой-нибудь беглый. А? Здесь часто бывают люди?

– Нет, болото отпугивает. Но иногда грибника можно... Ну и зимой охотники бегают на лыжах за зайцами.

– Зимой – у-у как, да? Здорово, да? Метель, волки, а ты печку топишь.

Вода в котелке забурлила. Он хотел засыпать крупу, но девушка попросила: дай я все сделаю, – и он отдал ей соль, ложку, прикрученную к пруту проволокой, крупу в мешочке и банку тушенки. Она сыпанула в кипяток три горсти крупы и щепоть соли и, отворачивая от жаркого костра лицо, принялась помешивать варево ложкой на пруте. Он сидел напротив, глядел в огонь и думал: вот через три дня, вот на два года. Ну ладно, это не двадцать пять лет. И не война. Это ерунда – два года.

Крупа разбухла и стала белой. Девушка встряхнула из банки в котелок тушенку и перемешала розовые куски с кашей. Она сняла котелок и чайник с жерди, в чайник насыпала заварки. Утерев

красное мокрое лицо, она взглянула на него: ловко я все делаю, правда?

Они обедали в хижине перед оконцем. Они молча ели дымящуюся кашу с черным мягким хлебом и смотрели в оконце. Потом пили чай. Девушка думала: неужели где-то есть город? неужели только сегодня они выехали из города?

С улицы донесся резкий и сухой злобный вскрик, девушка поперхнулась и закашлялась, и тревожно посмотрела на хозяина хижины.

– Это сапсан. В роще живет. Редкая птица.

Девушка кивнула. Но страх стоял в ее глазах. Выждав немного, она сказала:

– А все-таки ружье... с ружьем... как же ты так?

Одностволка шестнадцатого калибра лежала под толщей ила на дне одного из семи Кофейных прудов. Он нехотя ответил:

– Потерял.

– Врешь? – осторожно спросила она.

– Нет.

– Врешь, – сказала она. – Сразу видно. Тебе лучше никогда не врать. Это сразу всем видно будет.

– Что ты прицепилась к этому ружью?

– Ничего. Просто лучше было бы.

– Не лучше. Я это знаю... Я утопил его.

– Да?

– Что ты так смотришь? Что тут такого? Мое ружье, я купил его и патроны у барыги, потом взял и утопил.

– Зачем?

– Надоело. Даже палка раз в год стреляет. А уж ружье тем более. Даже когда не хочешь ни в кого стрелять.

Они помолчали. Девушка вздохнула.

– Жалко? – насмешливо спросил он.

– Ага, – откликнулась она. – Через три дня ты уйдешь в армию, и там тебе дадут уже не ружье, а гранаты и автомат.

– А, ты вон о чем...

– Я проницательная. Проницательная?

– Проницательная. Ну, дадут, так что ж... Три раза на стрельбище

– и все. Знакомый вернулся из армии, говорит: за два года три

раза на стрельбище – и все. По фанерным людям.

– Но они могут послать... – Девушка запнулась.

– Куда?

– Куда захотят, туда и пошлют служить. Могут отправить... на эту войну. Могут, Витя?

Он пожал плечами. Налил в кружку чаю, отхлебнул... Он забыл об этой войне. Как-то совсем забыл. Газеты о ней говорят невнятно, сквозь зубы. Не поймешь, русские то ли воюют там, то ли деревья сажают и детские сады строят...

Опять крикнула старая птица, и тут же донесся далекий тугой звук. Через мгновение звук повторился.

– Гроза? – спросил себя неуверенно он, встал из-за стола и вышел на улицу. Девушка растерянно и радостно улыбнулась и тоже вышла.

Небо над Деревней и рощей было чистое. По листве берез ударял то и дело сильный ветер. Свежо было.

Солнце стояло уже на западе. Оно косо освещало зеленое поле, крапчатые стволы берез, гнилые, провалившиеся крыши, черные обрывки плетней и белые сады.

– Вон, – сказал он и ткнул пальцем в небо над рощей.

– Это и есть сапсан?

Над рощей кружила птица с бурыми крыльями и пестрой грудью.

– Слышишь, – сипло сказала она и откашлялась, – как сады запахи?

– К дождю, – ответил он, не глядя на нее. – Надо собираться... Дороги развезет...

«В Индии... эти, тропические ливни... неделями». – Она беспомощно глядела в небо над рощей, но небо все было чистым.

– Хорошо тебе было? Понравилось? – спросил он.

Она молча кивнула.

– И без ружья не очень страшно? – спросил он, улыбаясь.

Она покачала головой.

– Хочешь, мы вернемся через два года?

– Хочу.

– Надолго.

– Хочу. – Она заставила себя улыбнуться.

– Уходим, – сказал он и вернулся в хижину. Он собрал ложки и

кружки, взял котелок и чайник и пошел на ручей.

Она стояла все на том же месте и глядела, как он идет к березам, как он идет между берез... Его заслоняли стволы и кусты, и снова он показывался и скрывался... Нужно было самой помыть посуду, думала она и не двигалась с места, и не окликала его. Он уходил все дальше, делался все тоньше и призрачней. Солнце светило на березы. Резко чернели на белых стволах трещины, наросты и крапины. Над рощей кружила старая хищная птица.

Край тучи повис над рощей.

Он выбежал из рощи, заскочил в хижину, оставил там вымытую посуду, вышел, взялся за руль велосипеда.

– Пошли!

Она покорно пошла за ним. Она хотела сказать: сейчас дождь начнется, давай останемся и переждем, что родители? ну и что, что родители... пускай родители... я не хочу думать о родителях. Она молча шла за ним.

Они вышли на деревенскую улицу, сели на велосипеды и поехали. Дождь побрызгал немного и перестал. Жаль, что в России не бывает этих тропических ливней, которые льются днями, неделями и месяцами, подумала она.

Она оглянулась, когда поднялись на взгорок.

Тучу сносило на юг. Над рощей и Деревней небо синело. В Деревне белели сады. Наверное, там опять трещали и цокали серые лесные мелкие птицы, трещали и цокали, прыгая с ветки на ветку и соря лепестками.

Олег ЕРМАКОВ. Neкаýalar